

Маргарита
Южина

Звезды

ИРОНИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЖЕРТВА
ГИМЕНЕЯ

Маргарита Южина
Жертва Гименея

«Маргарита Южина»

2009

Южина М. Э.

Жертва Гименея / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2009

Похоже, голубая мечта Алиссии выйти замуж наконец исполнилась. И вот уже, надушенная, накрашенная и счастливая, она спешит в дорогой ресторан на свидание с мужчиной из каталога службы знакомств. Ну и что, что в результате избранник оказался пугливенький и плюгавенький. И сбежал, как только увидел устрашающе темпераментную Алиссию. Зато она застучала мужа племянницы Фому – перспективного хирурга и прекрасного семьянина – с какой-то богатенькой фифой. Теперь ему не уйти от возмездия! Алиссия припирает зятя к стенке и... узнает невероятные вещи. Первое: Фома не был в ресторане. Второе: его обвиняют в убийстве той самой фифы, равно как и двух других женщин. И самое главное: все жертвы являлись его пациентками...

© Южина М. Э., 2009

© Маргарита Южина, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Маргарита Южина

Жертва Гименея

Глава 1

Поминай как звали

– Аллочка! Алла! Ты не видела моих женихов? – доносился из комнаты крик сестры. – Алла! Тебе мои женихи не попадались? Ведь тут же лежали, все вместе, стопочкой, а теперь те, кому за шестьдесят, есть, а молодые куда-то подевались... Алиссия! Признавайся! Ты не брала?

– Да не брала я, дай помыться спокойно! – рявкнула из ванной Аллочка, под шум воды преспокойно листая каталоги с женихами.

Ее сестрица Гутя, называющая себя Гутиэрой, была не только родной сестрицей Аллочки, но еще и свахой. Понятное дело, что в ее доме этих каталогов имелось множество, как гуталина у Кота Матроскина, только вот с оригиналами – беда. Сама всех сватает, а родную сестрицу Аллочку до сих пор не осчастливила молодым и богатым мужем. Да что там Аллочку – сама Гутя до сих пор не замужем! Правда, говоря откровенно, Гутя едва вырвалась из их деревушки в большой город, так и давай по «замужам» скакать. За первого вышла, дочку родила, а потом... потом приехала их старшая сестренка, и муженек Гути переметнулся к ней. Бедной Гуте ничего не оставалось делать, как тут же найти себе нового супруга. Но теперь уже приехала и средняя сестрица. Короче, Гутя всех своих мужей пристроила к родным сестрам и, убитая мужской неверностью, больше о супружестве и слышать не хотела. А напрасно. Потому что самая младшенькая, сорокалетняя Аллочка, оставалась в невестах. Ну и, надо полагать, Аллочка тоже совершенно справедливо рассчитывала на свой кусок семейного счастья и именно поэтому приехала к Гутиэре за супругом. А поскольку у Гути мужа в наличии не оказалось, Аллочка поселилась в ее доме до той поры, пока доброволец на роль мужа не найдется, то есть – надолго. Или, как говорил зять Гути Фома, – навечно.

Ой, этот зять! Он никогда ничего путного еще не говорил, а уж тем более не делал! И что от него требовать, если у него такое имя – Фома Неверов! И где его только Варька отыскала?! Варька – Гутина дочь, девица яркая, рыжая и непокорная, и мужа себе такого же привела. А этот муж... Нет, он, может быть, и ведущий хирург с своей частной клинике, но у них дома, слава богу, не больница! И нечего говорить, что на Аллочку ни один мужик с нормально развитым головным мозгом не позарится! Просто еще время не пришло. Или Гутя все время подсовывает сестре некачественный товар! Ну вот с кем она ее знакомила? С одними замшелыми пенсионерами или с махровыми неудачниками, умудрявшимися скончаться прямо на брачном ложе! А совсем не с теми, к кому тянулось истомленное Аллочкино сердце. И чему удивляться? Вот Аллочка специально и стащила каталог женихов, чтобы вдоволь рассмотреть имеющийся материал и уже самой выйти на контакт, без всяких там свех.

– Пожалуй, вот этот, – расплылась от удовольствия Алла, увидев фото довольно симпатичного мужчины лет двадцати семи. – Пусть у меня будет молоденький муж. Он в очках, правда, но я потом ему линзы воткну... надену... куплю! А так – красавец! А кем он трудится? Мерчен... менчер... драй...черт, какое название мудреное, наверное, где-то в иностранном посольстве! Сейчас мы его номерок перепишем. Блин, а чем записать-то? А кого он хочет?

Двадцатисемилетний парень искал девицу двадцати трех – двадцати пяти лет, желательно без детей, желательно с жилплощадью и стабильной зарплатой.

– Ну и что? – сама с собой беседовала Аллочка. – По годам немножко разбегаемся, так я и накраситься могу! А в остальном – детей-то у меня нет! Квартира, опять же. Я думаю, Гутя родной сестре не откажет. Черт, вот зарплата у Гути не стабильная, зато у Фомы! У Фомы всегда большая и в срок!

И тут ее настроение стало угасать. Что-то ей подсказывало, что Фома не согласится посадить на свою шею еще и младого супруга Аллочки. Сама-то Алиссия и вовсе никакого заработка не имела – по той простой причине, что просто не могла еще определиться: в чем ее призвание? А когда она уже было решила направить себя на служение людям и отыскивать преступников, оказалось, что эти самые люди – создания неблагодарные, потому что к ней за платной помощью не спешили. Да и вообще, никто к ней не обращался, словно и преступлений никаких в городе не совершалось. Естественно, Алла Власовна на такой поворот событий обиделась жутко и работать не захотела в принципе.

Но это – такие мелочи, о которых молодому супругу можно и не говорить, а потом, когда они поженятся, он сам узнает. М-да, но будет поздно. Аллочка уже стремительно уйдет в декрет, а затем посвятит себя воспитанию дитяти!

Итак! Значит, жених выбран. Как же его звать-то? Ага! Мельников Андрей Данилович. Мельникова Алла Власовна! Эх, звучит! Куда лучше, чем Клопова.

– Гутя! Дай телефон! – крикнула Аллочка из ванной. – Гутя!!

– Аллочка, вылезай! Ты уже там второй час сидишь, проросла ты, что ли, в эту ванну? – буркнула сестрица.

– Дай телефон! – недовольно рявкнула Аллочка. – Мне срочно надо позвонить по вопросу трудоустройства!

– Это в такое-то время?! – ужаснулась Гутя. – Господи, кем же ты устраиваешься? Ночной няней, что ли?

– Могла бы предположить, что девочкой по вызову, – пробурчала Аллочка, но в это время сестрица принесла телефон, и дамочка срочно переключилась на позитивную волну. – Аллоу, пригласите к телефону, пожалуйста... вот черт, забыла... Ага! Мельникова Андрея Даниловича к телефончику пригласите. Пожалуйста. А! Так это вы и есть! – голос Аллочки немедленно стал выше на две октавы и преисполнился мелодичности. – Андрей Данилович, а это вам из... это вам звонит одна молоденькая особа, которая очень желает с вами познакомиться! Ну, да-да, конечно, я именно из службы знакомств. Ой, это невежливо – спрашивать у девушки о ее возрасте! Проказник! Я могу подумать, что вы дурно воспитаны!

Видимо, проказник на другом конце провода несколько усомнился относительно данных «молоденькой особы», потому что вместо приветливого телефонного знакомства он попытался выяснить некоторые лишние моменты и даже проявил излишнюю дотошность. Однако Аллочка была, что называется, воробей стреляный, и все его тесты она выдержала с честью – очень уж хотелось ей заполучить молодого супруга.

– Да, я уже лет двадцать работаю в... в общем, успешно работаю, – без зазрения совести врала Алла. – А-ха-ха! Нет, конечно, я молода, двадцать лет рабочего стажа – это мой тонкий юмор. Я надеюсь, у вас с этим делом все в порядке? Нет? Нет, я совсем не то дело имела в виду, хотя это тоже неплохо, я просто... Ой, ну что мы с вами все по телефону! Действительно! Давайте встретимся! А то меня уже из ванной гоня... я в том смысле, что уже массажист заканчивает работу и мне говорить... да-да, у меня свой массажист! И косметолог! И личный врач, педиатр или терапевт, или как он там называется... Господи, ну конечно же, я не инвалид детства! Вы сами увидите. Давайте же встретимся! Где? – тут Аллочка ненадолго задумалась. Вообще-то ей привиделась романтическая встреча в дорогом ресторане, однако ж по таким ее никто никогда не водил, а у нее самой денег на эдакий маленький каприз никогда не было. Иными словами, Аллочка совершенно не знала, какие рестораны сейчас ценятся, где какая кухня и вообще – какие они в городе-то есть? Она знала только один, о котором частенько

рассказывал Фома, якобы дорогие клиенты приглашают его именно туда. Это был «Сентябрь», и Аллочка решила осчастливить именно это заведение своим присутствием.

– Я буду ждать вас в «Сентябре», – томно мурлыкнула она. И тут ее голос на секундочку посуровел. – Молодой человек! Это не время! Это ресторан такой – «Сентябрь»! Очень, между прочим, приличный, дорогой, так что возьмите побольше денег, хи-хи, я немножко увлеклась, но ресторанчик действительно не дешевый. Поэтому, так сказать, чтобы вам не оказаться в неудобном положении...

Все, они договорились встретиться в этом «Сентябре»! Чтобы долго не мучиться, свидание назначили на завтрашний день, и Аллочка наконец шумно покинула ванную комнату.

– Я уже думала, ты себе жабры отрастила, – фыркнула Гутя, когда сестрица прошмыгнула мимо нее, старательно пряча под халатом каталоги женихов. – Аллочка, если хочешь, можешь попить чаю, я согрела.

Очень надо! Главное, оладушки, которые Гутя к этому самому чаю настряпала, они уже умяли, а... нет! Парочка еще осталась.

– Аллочка, ты сильно-то на оладьи не налегай, – немедленно появилась возле тетки Варька. – Фома еще с работы не приходил, вернется голодный.

– А нечего шляться! – осердилась на запоздавшего зятя Аллочка. – Мы, главное, все дома, а он! И где это твой супруг, Варька? Молчишь?

– На работе, – пожалала плечами рыжая племянница.

– Вот ты такая здоровая уже, а все в сказки веришь, – уминала уже шестую оладушку Аллочка. – Запомни. Работа – это до шести, а все, что позже – это уже клуб по интересам. А я знаю, что это такое, уж поверь мне.

– Варька, не верь ты ей, мелет неизвестно что, – принесло в кухню Гутю. – Фома крутится на этой работе, чтобы всю нашу ораву прокормить, а эта – «Клу-у-уб»! Тьфу! Ты мне лучше скажи, Алла, что ты по работе нашла?

– Гутя! Причем здесь какое-то трудоустройство? – надулась Аллочка. – Я смотрю, ты нашего кормильца совсем ни во что не ставишь. Ну что ты такое напекла? Слезы. Разве мужика этим накормишь? И она еще хочет когда-нибудь на себе кого-то женить!

Гутя устала сидеть на тарелку, где еще пять минут тому назад высилась приличная горка оладушек, заботливо укрытая чистеньким полотенцем от глаз Аллочки. Непонятно, как она тарелочку обнаружила, но теперь полотенце было откинута в сторону, а на дне блюда скорбно корчились две самые неудачные оладушки.

– Ладно, – Гутя взяла себя в руки. – Но ты теперь поправишься на семь кило. Варька! У нас еще осталась мука?

Аллочка уже полчаса сидела в «Сентябре» и крутила в пальцах сигарету. Вообще-то она отродясь не курила, но сегодня решила выглядеть эффектно. На ней было надето Гутино шелковое платье в диких рюшах, на голове красовалась крутая химическая завивка – недаром в парикмахерской остались деньги, которые надо было заплатить за телефон, а лицо прелестницы облагораживал яркий макияж типа «Матрена Рашн». Аллочка где-то читала, что это сейчас – писк, естественно, моды. И само собой, при таком-то имидже сигарета так и просилась в руки. Аллочка выбрала самые дешевые, она ж не курить собирается, а уж в пальцах-то – какая разница, что крутить. Однако ж она чуть просчиталась – сигаретка оказалась без фильтра, сильно воняла, и «махорка» уже усыпала скатерть. Но Аллочка неловко крутила сигарету между пальцами и ждала. А Андрей Данилович... Андрей, «ее Андрей», все не шел. Но когда он появился!...

Народу было уже много, и Мельников среди разнообразных мужских «портретов» смотрелся несколько серовато, что уж скрывать. Серенький пуловерчик, брючки в полосочку, очочки, взгляд какой-то испуганно-растерянный. Да, не Джеймс Бонд. Аллочка даже всхлип-

нула от жалости и пообещала себе – всю его первую получку, которую он ей подарит, потратить на одежду! Да! И она купит одежду не только себе, но и ему! Да, именно так, парню надо соответствовать ей. Она вон какая красавица, женщина-вамп, а он – задохлик какой-то, честное слово! Но уж она его...

Чуть позже Аллочке пришлось изменить свое решение.

Парень вертел башкой и никак не хотел замечать очаровательную незнакомку, сидевшую в углу и яростно махавшую ему обеими руками. Он, глупенький, вероятно, и в самом деле рассчитывал на молоденькую белокурую крошку, какой Аллочка представилась по телефону. Пришлось Алиссии достать свой мобильничек и набрать его номер. Она великолепно видела, как Андрей вздрогнул, ухватился за карман брюк, а потом поднес руку с телефоном к уху.

– Мой маленький козлик! Твоя козочка сидит возле окошечка, в шелковом платьице! Ну, узнавай же меня скорее!

– Простите, почему козлик? – дернул головенкой кавалер, наткнулся взглядом на «козочку», и глаза его вытаращились в немом испуге: – Вы – это то, что сидит у окна... этот сноп, господи! Да вы не женщина, вы – мавританский газон!

После этого «женишок» резво сунул телефон в карман и какими-то нервными подскоками удалился из зала. Аллочка даже еще не успела сообразить, что ее кавалер попросту сбежал, а он уже несся через дорогу, игнорируя мощный автомобильный поток.

– Вот и хорошо, – проглотила слезы нарядная дама. – С таким за одним столиком сидеть – стыд один, ни вида, ни воспитания!

И она судорожно вздохнула. Конечно, можно отправляться домой, на долгое расслаживание в этом ресторане у нее попросту нет денег, но хотелось успокоиться. Да и глупо – на виду у солидной публики встать и удалиться, поджав хвост от неудачи.

Аллочка расправила могучие плечи, растянула губы в игривой улыбке и оглядела зал. Завораживала медленная музыка, под которую хотелось сию же минуту станцевать с красивым мужчиной, ее гипнотизировали медленные и неслышные движения официантов, и вообще – ресторан действовал на Аллочку магически. Она чувствовала себя эдакой светской львицей, состоятельной леди и даже самую чуточку – миллионершей. Она немного посидит, и к ней непременно прибьется какой-нибудь одинокий невзрачный господин, который окажется, прости господи, олигархом! А что? Она сама в кино видела, на свете всякое случается. Расширенными от восторга глазами, пребывая в ожидании скромного кавалера, дамочка обвела зал глазами. Народу много, все столики заняты, и что особенно приятно – большинство посетителей – мужчины. Аллочка даже запыхтела от удовольствия. Нет, она никуда не уйдет! Да и что там с деньгами, подумаешь, нечем заплатить! Ха! Да буквально минут через пятнадцать к ней кто-нибудь подсядет, и вот он-то...

Ну, например, вон тот седовласый мужчина, ах, какой степенный! У него наверняка, кроме пенсии, имеются шесть соток дачного хозяйства, и он торгует луком и петрушкой, а на вырученные деньги зажигает в этом «Сентябре». Или вот тот! Ух ты, какой колоритный! Наверняка весит добрый центнер. Или вот этот, ах, какой мужчина! Породистый, племенной. Загляденье! Может быть... нет, с ним ничего не может быть, потому что он обхаживает какую-то фифу. А фифа-то, фи! Страусиха. Головка с кулачок, шея и ноги – метражом, а остальное – перья. И никаких намеков на формы! Вот уж тут Аллочке есть что показать. Пресловутые шестьдесят – девяносто – шестьдесят, и это только в ногах! И почему мужики на этих хворостин клюют? Вон еще один.

И тут Аллочка захлебнулась. «Еще один» был некто иной, как трепетный супруг их Варьки. Фома! Не может быть! Аллочка даже потрясла горловой, чтобы наваждение спало. Но это было не наваждение – за столиком прямо у входа, вполоборота к ней, сидел их ближайший родственник, их кормилец, их беспробудный труженик Фома. И одежда его, и этот, такой знакомый поворот головы, и руками так же делает. Он даже в ресторане накидывается на еду,

словно сто лет не ел. И самое главное – Фома восседал не один. С ним рядом сидела... черт! Жен! Щи! На! Ну почему она не повернется? Да, обычная курица. Уж не чета Варьке.

– Дама будет что-то заказывать? – неслышно появился возле нее молоденький официант с зализанным чубом.

– Нет, – отмахнулась было Аллочка, но тут же замотала головой. – То есть да! Буду. Принесите мне, любезный, театральный бинокль!

Любезный вытянулся, дернул кадыком и пожал плечами:

– Но у нас такого нет.

– Ну хорошо, хорошо, можно морской, – поморщилась Аллочка, не отрываясь от столика у входа.

– Уважаемая гостя, мы не предлагаем биноклей! Я бы попросил вас сделать заказ из блюд. Какую кухню дама предпочитает?

Он очень мешал. Торчал возле стола и нудил! И не понимал, что Аллочке вовсе не до него.

– Ой, вот привязался! И зачем мне целая кухня! Давайте, что там у вас? – недовольно обернулась к нему дама.

Официант протянул ей красную книжицу.

– Ого! А что это у вас такие цены? – на минуту забыла про Фому Аллочка. – Да я на рынке за такие-то деньги, знаешь, сколько мяса куплю! Ну, я прямо и не знаю. Принеси хоть чай.

– Только чай? – переспросил парень, и бровь его презрительно дернулась.

– Да! – по-королевски тряхнула головой Аллочка. – Я жду. Спонсора, можно сказать. И вот уж тогда-а-а...

Официант неслышно удалился, а Аллочка вновь с напряжением стала вглядываться в знакомые черты зятя. До чего же нищее заведение, не иметь биноклей! Даже трапезные провинциальные театры на грани вымирания – и те могут своих гостей этим побаловать. И что теперь делать? Надо рассмотреть ее поближе – эту зятю приятельницу. Любовницу. Надо называть вещи своими именами. Но как ее рассмотришь, он ведь сразу сбежит, как только Аллочку увидит, а потом всем дома наврет с три короба, дескать, – вел прием в нетрадиционной обстановке. И Алла еще окажется виноватой. Нет, здесь как-то по другому надо.

Она сидела минут двадцать, неотрывно пялясь на столик зятя, и небеса вознаградили ее за терпение – Фома поднялся, склонился к уху своей дамы и торопливой походкой подался к выходу. Судя по тому, что его пиджак остался висеть на стуле, его отсутствие предполагалось недолгим. Времени терять было нельзя.

Аллочка торопливо поднялась, ухватила полуразвалившуюся сигарету и подалась к столику, где одиноко грустила брошенная дама Фомы.

– Не позволите закурить? – медово спросила Аллочка, сверля Варькину соперницу глазами.

Дама даже не повернула головы.

– Не курю, – бросила она и отвернулась к окну.

«Вот паразитка, специально лицо прячет, – подумала Аллочка. – Знает, что с женатиком сидит!» Аллочка попыталась еще что-то спросить, даже изогнулась, чтобы заглянуть даме в лицо. Но так и не разглядела «курицу». Зато успешно рассмотрела толстую золотую цепь, косу из трех тонких цепочек, изучила прическу, пряди, будто покрашенные разноцветными тоненькими кисточками, но больше всего поразились ногтям дамы – изогнутым, неестественно длинным, и на каждом целая картина нарисована. И на каждом ногте – разная. Третьяковка просто.

Больше задерживаться не имело смысла, да и Фома мог ее застать, а потому Аллочка очень быстро ретировалась.

Между тем в зале разлилась тягучая томная мелодия, и свет, и без того приглушенный, погас почти окончательно.

Алла приблизилась к своему столику, но тут дорогу ей преградил высокий седовласый мужчина:

– Позвольте? – чуть склонил он голову и уцепился Аллочке за локоть.

– А что я такого сделала? – вытаращилась на него Алиссия. – Может, вы думаете, что я хотела сбежать? И не расплатиться? Я не собираюсь сбежать! Я расплачусь! Уж на чай-то у меня хватает. Да мне и чай-то не принесли! Да что вы так в меня вцепились?

– Позвольте пригласить вас на танец, – посмотрел ей прямо в глаза прекрасный кавалер.

Аллочка мгновенно заалелась, засутилась, принялась вытирать вспотевшие ладошки о платье и нервно хихикать:

– Ах, это вы меня, так сказать, танцевать, что ли? Я прямо и не знаю, мне так неловко!

И она положила руки на плечи кавалера, еще не дойдя до середины зала, прямо тут, между столиками.

Мужчина был великолепен! Он бережно снял ее руки, взял Аллочку под локоть и повел к танцполу. И только там ухватил даму за талию.

– Я за вами наблюдал, вы кого-то ждете? – тихо спросил мужчина.

Аллочке стало невыносимо щекотно. Она хихикнула, поежилась и кокетливо поиграла глазками:

– Да кого я там жду! Ну, то есть мы хотели с сестрой отметить день моего рождения, да. А она не пришла. Да, наверное, у нее на подарок денег не было.

– Какая дикая несправедливость! – так же тихо возмутился кавалер. – В такой день женщина не может оставаться одна!

– Да еще и без подарка, – охотно добавила Алиссия.

– С моей стороны будет не слишком большой наглостью, если я приглашу вас за свой столик?

– Да какая ж наглость, господь с вами! А где ваш столик?

Мужчина кивнул куда-то в сторону. Было непонятно, как далеко он сидит от Фомы, но Аллочка решила с этим смириться.

– Так мы прямо после танца – и к вам, да? – уточнила она.

– Меня зовут Максим Михайлович, – вместо ответа представился он. – А как ваше имя, прекрасная незнакомка?

– Аллочка, – зарделась та, но не утерпела и поправилась: – Но близкие меня зовут Алиссией.

– Боже, какое необычное имя для наших широт. Оно невероятно вас красит, – чуть склонил голову к ее уху Максим Михайлович. Помолчал и удивил даму: – Алиссия, вы за кем-то наблюдаете?

– Господи! Да с чего вы взяли? – испуганно вздрогнула Аллочка. – Я так просто, оглядывалась.

– А мне показалось, что вы как-то не совсем спокойно оглядываетесь на вон того молодого мужчину, – и он кивнул в сторону Фомы.

Аллочка обернулась. Фома уже восседал на своем месте и наливал своей кикиморе в фужер шампанское.

– Ой, зачем же мне из-за него беспокоиться? – не слишком уверенно пробормотала дама. – Я просто осматриваюсь, думаю, кто же заплатит за меня, сестра же не пришла. Вот и... А этот мужчина меня совсем не волнует, он же с девицей! Кстати, вы не обратили внимания, сколько ей лет? Как она выглядит? И еще: присмотритесь, пожалуйста, у нее на пальце нет обручального кольца?

Кавалер шумно вздохнул и горько произнес:

– И все же, милая Алиссия, этот молодежавый мачо занимает ваши мысли куда больше, нежели я.

Аллочка опомнилась – еще не хватало потерять из-за этого бабника Фомочки, может быть, своего будущего мужа.

– Ой, Максим Михайлович! Максим, можно я буду вас так называть? – слащаво защебетала она и легонько погладила пальчиком его плечо. – Максим, вы совсем, ну совсем не разбираетесь в женской психологии. Это же я специально так делаю! Ну, чтобы вы сразу же начали меня жутко ревновать. И вспыхнули бы ко мне нежными чувствами.

– Да что вы? – искренне удивился седовласый Максим.

– А как вы думали, я – такая! – провозгласила Аллочка.

Вероятно, она его успокоила, потому что сразу после танца он и в самом деле повел ее к своему столику.

Его столик оказался к Фоме намного ближе, чем бывшее Аллочкино место, однако Максим, как видно, возревновав свою новую знакомую, посадил ее так, чтобы к Фоме она оказалась спиной. И если сперва Аллочка крутилась, то и дело пыталась обернуться, то после печального взгляда Максима Михайловича ей пришлось присмиреть.

– И все же этот парень не дает вам покоя, – вздохнул ее новый знакомый. – Я не понимаю, почему зрелых красавец влечет к юнцам? Ведь у меня же имеется и положение в обществе, и состояние, и своя фирма, и прекрасный дом, и опыт, и здоровье, а внимание вы все равно уделяете этому господину. Вам это не кажется несправедливостью?

Аллочке уже ничего не казалось. Беглое упоминание о состоянии, о прекрасном доме и личной фирме в корне изменило ее настроение. И что она пялится на этого Фому? Да куда он, к чертям, денется? Да она его сегодня же вечером к стене прижмет. Нет, сегодня, пожалуй, не удастся. Ей же этот славный Максим покажет свой загородный домик! Когда же еще и Фому ей наставлять на путь истинный?

– Кажется! – яростно кивнула она, и челка резво закрыла ей пол-лица. – Вот именно сейчас и показалось. Я вовсе больше не смотрю на того человека. Да пусть он хоть сбежит со своей красоткой! Пусть даже и вовсе дома не появляется, я буду молчать, как рыба. То есть, погодите, что вы говорили о своем доме?

Максим Михайлович как-то странно посмотрел на нее и удивленно протянул:

– Дома не появляется? А что, этот господин еще и домой к вам навещался?

– Ой, да никуда он не навещался, – уже пожалела Аллочка, что не придержала язык. – Это просто наш сосед. Алкаш. Все время забегает к нам за деньгами. Так я не совсем уяснила, какого направления ваша фирма? Вы что-то о своей фирме говорили.

Максим Михайлович отчего-то выглядел растерянным.

– Ничего не понимаю. Говорите, алкаш? Нет, я не знаю, но парень запросто просиживает в весьма не дешевом ресторане?

– Правильно! Я ж ему знаете сколько денег дала! О-го-го! – бессовестно врала Аллочка. – Ему же не только на меню хватает, но и на девочек.

– А вы уверены, что он на эту девочку потратился? – совсем уж глупо спросил Максим Михайлович. – А мне показалось, что она не девочка вовсе. Дамочке-то далеко за семнадцать.

– Да что вы! – не смогла скрыть удивления Алиссия. А потом вдруг внимательно пригляделась к кавалеру. – А вы что же думаете, если девочка уже справилась совершеннолетие, на нее и тратиться не стоит? Какие у вас вредные мысли, однако. А вот, например, мои кавалеры на меня всегда тратились. Это благородно, красиво – и очень экономно. А давайте выпьем!

Эту мысль кавалер одобрил, а уж после выпитого речь о Фоме больше не поднималась. Правда, и о доме с фирмой – тоже. Даже о своем состоянии вредный ухажер больше не заикался. Аллочка решила, что вытянет из него подробности по дороге к его домику, однако и в домик свой он ее не повез. И вообще, вел он себя неадекватно. Когда подали горячее (слава богу, он хоть догадался оплатить плотный ресторанный ужин!) и огромные тарелки, с доброе тележное колесо, поставили прямо перед носом Аллочки, Максим произнес:

– Когда мы с вами еще встретимся?

Конечно, кусок телятины колом встал в горле у Аллы Власовны: еще никто и никогда не назначал ей свидания, в основном, это она требовала к себе повышенного внимания с мужской стороны, а тут – поди ж ты! И главное, в такой момент, когда во рту мясо, и плюнуть нельзя, и ответить с полным ртом невозможно.

– Так когда? – не отставал Максим.

– Хав... тьфу ты... завтра! – с трудом произнесла Аллочка, затолкав в себя кусок целиком. – Завтра, ровно в пятнадцать минут седьмого.

– А почему не ровно в семь? Или в восемь? – не понял кавалер.

Аллочка вздохнула шумно и устало.

– Боже мой, неужели так трудно догадаться? В пять у нас ужин, я буду есть до шести. А потом, мне же еще надо добраться! Кстати, если я опоздаю, не уходите, я ведь не знаю, куда мне придется ехать?

Максим Михайлович склонился над ее рукой и коснулся пухленьких пальцев губами.

– Я сам приеду, куда скажете.

Вот уж чего не хотелось Аллочке, так чтобы он заявился к Гуте! Но и напрашиваться в его «домик» она боялась, спугнешь мужика, а потом ищи его. Сколько раз так уже бывало.

– А знаете, – кокетливо опустила она глазки и проковыряла дырку в новой скатерти, – давайте встретимся на нейтральной территории, у вас на даче, а? У вас есть дача?

Максим Михайлович пожал плечами, но быстро взял себя в руки:

– На даче так на даче. Конечно, она у меня есть. Назовите ваш телефон, волшебница!

«Волшебница» шмыгнула носом и бодро продиктовала телефон.

– Ровно в шесть я вам позвоню, а в пятнадцать минут седьмого моя машина будет стоять под вашими окнами.

Аллочка затрепетала от удовольствия и закатила глазки. Что-то ей подсказывало, что это начало нового, бурного, небывалого романа! И, возможно, он начнется уже этой ночью.

Вновь зазвучала мелодия медленного танца, и Аллочка, не в силах справиться с эмоциями, поднялась.

– Простите, но я не могу больше сидеть, – покраснев, призналась она. – Ведите же меня, ну?

Максим Михайлович не спеша поднялся, взял даму под локоть и повел. Но вовсе не на середину зала, куда мечталось Аллочке, а в фойе. Она сначала растерянно озиралась и даже немножко притормозила, но когда он подвел ее к гардеробу, вмиг сообразила – взрослый мужчина не хочет терять время на глупое шатание под завывание оркестра. Он свое дело знает.

– Погодите, я возьму плащ, – плавно изогнулась Аллочка и, далеко отставив зад, понеслась к гардеробу.

– Вот я и готова, – тяжело дыша, остановилась она возле своего кавалера через минуту.

– И вы ни о чем не будете жалеть? – Максим посмотрел ей прямо в глаза.

– Ой, не знаю, – заскромничала было Аллочка и торопливо добавила: – О чем тут жалеть! Ну что мы, маленькие, в самом-то деле?

Кавалер с облегчением выдохнул и взял Аллочку за руку. По всем приметам, начиналась новая жизнь!

Они вышли из ресторана, и Максим стал ловить такси.

– У вас нет своего авто? – удивленно спросила Аллочка. Все же рыцарь-то должен быть при лошади.

– Есть, но я собирался выпить, а если так, зачем мне машина? – благоразумно рассудил Максим.

С каждой минутой он ей нравился все больше.

Когда возле них остановилась здоровенная машина, он о чем-то договорился с шофером, распахнул дверцу перед Аллочкой и склонил седоватую голову:

– Прошу!

Она взгромоздилась на заднее сиденье и подвинулась – проехаться в одном такси с таким элегантным мужчиной уже давненько было самым заветным ее желанием.

Аллочка опомнилась, лишь когда дверца захлопнулась и машина тронулась.

– Погодите! Эй! Куда вы рванули-то?! – забарабанила она кулаками по спине водителя. – Мы моего кавалера забыли! Остановитесь! Максим Михайлович! Максим Михайлови-и-ич! Догоняйте-е!

– Чего орать-то? Мне было сказано – довезти вас до дома, – буркнул водитель. – Так что вы б не шумели, а лучше б адрес сказали. Еще, главное, по спине меня долбит, как дятел!

– Как это – сказано? – Аллочка ничего не понимала. – Какой еще адрес, если у меня даже денег нет расплатиться!

– Ваш кавалер уже расплатился, – проворчал шофер. – Так что не шумите, девушка, а то я и высадить могу. И как вы тогда доберетесь? Денег-то у вас больше нет.

Аллочка примолкла. Водитель прав, если он ее высадит, домой придется топать пешком. Да и дядька за рулем таким хорошим оказался, девушкой ее назвал.

– Давайте на Металлургов, а потом я скажу, – милостиво произнесла она и откинулась на сиденье.

В общем-то ничего страшного не случилось. Ну да, они с Максимом друг друга не поняли. И ведь не зря же он ее спрашивал, ни о чем, мол, жалеть не будешь? Это он о том, что она так рано уезжает, а Аллочка-то подумала... Ой, кому это интересно! Главное – Максим о ней подумал очень чисто, высоко и справедливо! Он решил, что ей даже в голову не могут прийти какие-то глупости, вот и вызвал такси, хотя его никто не просил.

Домой Алла Власовна прибыла в самом лучезарном настроении. Сегодня она познакомилась с мужчиной своей мечты, а завтра он повезет ее на машине на свою дачу! Надо непременно рассказать обо всем Гуте, пусть позавидует.

Она ворвалась в дом и с порога заголосила:

– Гутя! Беги скорее сюда, я тебе такое расскажу! Только умоляю, не зеленой от злости.

– Аллочка! Ну что ж ты так орешь? – вышла в прихожую сестра. – Фома пришел, они с Варькой закрылись, у него какие-то неприятности на работе. Потихе раздевайся.

– Ой, не могу! – фыркнула Аллочка. – Неприятности у него! Да вы бы с Варькой поменьше возле него пуделями скакали, тогда б у мужика и неприятностей меньше оказалось бы!

– Аллочка! – вдруг разглядела сестру Гутя. – Ты для чего напялила это платье? Такое уже сто лет никто не носит. Да от тебя винищем несет?

– Правильно, несет. Винищем, – вызывающе глянула на нее Аллочка. – А чем от меня должно нести, если я была в ресторане? Нафталином?

– Ты? – Гутя выдохнула: – У тебя совсем нет вкуса. Ну, то есть полное отсутствие.

– Ой, Гутя, мне не интересны твои оскорбления, – поморщилась счастливая гулена. – Знаешь, я познакомилась с изумительным мужчиной! Просто с изумительным! И мы с ним завтра едем к нему на дачу! Заметь, на его машине, он даже бензин сам купит, представь!

Гутя безнадежно помотала головой:

– Нет, этого просто не может быть.

– Ну что у тебя за манера такая! – взорвалась сестра. – Как только у меня появляется достойный поклонник, ты сразу начинаешь портить мне настроение! Завидуй молча.

– У него больная мать и ему нужна сиделка, так? – предположила Гутя.

– Ой, какая из меня сиделка! Он меня просто... полюбил! С первого взгляда.

– А потом что, не было времени присмотреться?

– Ну тебя, вот завтра он подъедет, сама все увидишь. Слушай, а у нас ничего вкусенького нет, а? А то я, когда волнуюсь, есть хочу очень.

– Одно радует, что ты хотя бы волнуешься, – пробурчала Гутя, направляясь в кухню. – Пойдем, с ужина куриная ножка осталась.

В это вечер Аллочке так и не удалось поговорить с Фомой, сначала она бурно, в подробностях рассказала историю своего удачного знакомства, а потом, когда Гутя уже направилась к себе, устав слушать непрерывные ахи и охи, Аллочка потянула сестру за рукав:

– И куда ты торопишься? Спать? Вечно не выспишься, а у нас дома такое творится.

– Какое такое? – насторожилась Гутя. – Что у нас творится? Опять соседи жаловались?

– Не соседи, – пояснила Аллочка, понизив голос. – Это я жалуюсь – на твоего любимого Фомочку, понятно?

– Понятно, – вздохнула сестрица. – Удивила! Ты на него вечно жалуешься. А он, между прочим, содержит себя, Варьку, меня и, позволь напомнить, тебя тоже.

– Допрыгаетесь, что никого он больше содержать не будет. Уйдет к какой-нибудь финти-флюшке, и поминай как звали. А все потому, что ты вовремя не отреагировала на сигнал.

Гутя озабоченно заморгала, присела на краешек дивана рядом с Аллочкой и тихо, но грозно приказала:

– А ну, рассказывай, что ты нарыла. Не просто же так языком метешь?

– Не просто, – тяжело вздохнула Алла. – Я его с телкой в ресторане видела сегодня.

– В ресторане? Ты? Нашего Фому? – не поверила Гутя.

– Да. Представь себе! Он же недавно заявился, точно?

– Минут пятнадцать назад. Но он сказал, что был на работе!

– А ка-а-ак же! А ты ждала, что он тебе скажет, что у зазнобы застрял? Ой, глупая ты у меня, Гутька, прямо обидно за тебя. Да я ж сама! Вот этими самыми накрашенными глазами! Ты б его бабу... даму видела! Вся из себя, с ногтями. С прической. Золотом увешана. Фу, даже смотреть противно.

– Рассказывай, – строго отчеканила Гутя.

– Только пойдем к тебе, а то Фома выйдет или Варька, а я еще не сообразила, как себя с Варькой вести, сразу ее расстроить или как собаке – хвост по частям.

– Господи! Ведь и найдет же слова-то такие! Пойдем ко мне.

– Погоди, печенье прихвачу.

Через полчаса сестры сидели на кровати Гути и обсуждали Аллочкин донос.

– А ты не могла ошибиться? – уже в который раз уточняла старшая сестра. – Может, просто парень похожий, а ты обозналась?

– Да уж конечно! Стала бы я тебе рассказывать, если б сама не проверила. Точно, он. Я же подходила к столику и видела бабу эту, как тебя сейчас. И самое главное, Фомка чует, паразит, чье мясо съел, тетку эту ко мне спиной посадил, чтоб, значит, я ее не разглядела! А я дождалась, когда он выйдет, и...

– Так он тебя видел?

– Н-нет, мне кажется, не видел. Но он ее на всякий случай спиной посадил, чтоб соврать, – дескать, проводил деловую встречу, да хоть с бухгалтершей. Или с клиенткой. С него станется.

– А может, она и в самом деле бухгалтер? – с надеждой уставилась на сестру Гутя.

– Я ж говорю – у нее такие ногти! – Аллочка недовольно запыхтела и изрекла мудрую мысль: – Конечно, Гутя, будь это твой муж, то и хрен бы с ним, гуляет – и гуляй! Можно придумать целый вагон отговорок. Но Фома портит жизнь Варьке. И мы не должны, не имеем права закрыться от этих фактов. Девочка будет страдать.

– А если ты что-то напутала, девочка страдать не будет? – пылливо склонила голову к плечу Гутя.

Аллочка возражать не осмелилась, только еще раз напомнила:

– Понимаешь, одежда его, и прическа, он, как Фома, голову задирает, понимаешь? И руки потирает. Я же не просто так на человека наговариваю. Я понимаю, кто нас кормить-то будет, на твои заработки не проживешь.

– Вот что, – решительно прервала сестру Гутя, она, казалось, вовсе и не слушала, что та бормочет. – Я думаю так: Варьке мы пока что ничего не скажем.

– А когда скажем?

– Когда все проверим, понятно?

– Как это, проверим? Следить будем, да? – у Аллочки загорелись глаза.

– Проясним обстановку! – строго поправила ее Гутя. – Надо же, в конце концов, узнать, что Фома по вечерам делает, какие неприятности его одолели.

– Вот и правильно. Значит, я завтра прямо с утра засяду в его клинике.

– Нет, я пойду сама, вдруг ты опять что-нибудь напутаешь? – сузила глаза Гутиэра Вла-совна.

– Да когда ж я путала? Я же... – не успела было воспротивиться Аллочка, как Гутя сама заговорила:

– Вот ведь незадача – у меня утром встреча, нехорошо получается.

– Наоборот! Получается очень хорошо! У тебя встреча утром, а у меня – вечером. Получается, наш Фомочка будет под неусыпным контролем. То есть с утра его я пасу, а потом ты. Ой, не переживай так! Можно подумать, я ни на что не годна! Между прочим, посчитай, сколько я раскрыла преступлений! А? Вспомнила? Так что ложимся спать, а завтра... кстати, выдай мне денег на оперативную работу, вдруг он опять свою кралю в ресторан поведет. А у меня денег не окажется, чтобы расплатиться.

– Что ж, он ее прямо с утра по ресторанам потащит? – возмутилась Гутя. – Они вечером пойдут. А там я и сама расплачусь.

– А мне тоже надо! Вдруг они... вдруг они поедут в парк культуры и отдыха? Или в книжный забегут? Или еще куда-нибудь?

Гутя направилась к серванту, вытащила кошелек и отсчитала Аллочке несколько десятков.

– Вот, на дорогу. А остальные побережем, нам теперь придется экономить на всем. Кто его знает, вдруг и правда придется дальше жить без кормильца?

– А мы на алименты подадим.

– И вот еще, – сестра полезла к себе в сумку. – Вот газета, называется «Работа», специально для тебя купила, как знала.

– Лучше б себе купила, как знала она, – пробурчала Аллочка и направилась в свою комнату.

Утром Аллочку разбудил назойливый звон будильника. И как она ни прятала голову под подушку, он так и лез ей прямо в ухо. Засоня попыталась нашарить на тумбочке противный механизм, чтобы долбануть его об стену, и он умолк навеки! Но рука ее наткнулась на чей-то живот.

– Не щекочи меня! – взвизнул кто-то голосом родной сестры.

– Гутя! Так это ты надо мной издеваешься, да? – взревела Аллочка, разлепив глаза. – Лучше уйди. Дай выспаться, я буйная!

– Тише, вставай, – не уходила сестра. – Варька уже на работу убежала, и Фома ушел. Тебе пора на пост, кто вчера говорил, что с утра за Фомой наблюдать пойдет?

Ну конечно, это говорила Аллочка, но только кто же слежку назначает на восемь утра?

– Гутя, Фома только прием начинает, ему некогда за бабьими юбками бегать! А вот после обеда...

– Или ты сейчас же идешь к его клинике, или остаешься без обеда, а заодно и без ужина!

Это было жестоко, но Аллочка знала, ее сестрица способна на все ради любимой доченьки Варьки.

– Встаю уже, – засопела Алла Власовна и опустила ноги на пол.

Возле клиники Фома она оказалась примерно через час, не слишком торопясь скорее туда попасть. Что бы там Гутя ни говорила, но по своему богатому опыту Аллочка знала: нарушители спокойствия тоже люди, и им тоже надо работать, спать и заниматься важными делами. А посему Фома сейчас по всем раскладам должен интенсивно работать, чтобы всю оторваться вечером. А значит, к чему такая спешка?

Аллочка вальяжно толкнула стеклянные двери клиники, мотнула головой, приветствуя девушку на рецепшн, и поплыла к кабинету родственника.

Она любила бывать в клинике у Фомы. Во-первых, потому, что у нее никогда ничего не болело, а приходила она к нему редко, если срочно что-нибудь по дому требовалось. И здесь все уже знали, что она – родня известного хирурга, а потому отношение к ней было, как и к самому Фоме, то есть как к некому небесному светилу, а это всегда приятно. Ей всегда особенно ласково улыбались девочки на рецепшн, технички не замахивались на нее тряпками, шофер неизменно ей подмигивал, создавая веселое настроение, и даже главврач приветливо кивал головой. Она была своя! И потом, здесь всегда было так чисто, светло, росли какие-то здоровенные цветы, и казалось, что ты немножечко и сама серьезный врач, да. А что? Аллочка никогда не жаловалась на воображение.

И сегодня она уверенно направилась к кабинету Фомы, усмотрела очередь из человек десяти и уселась рядом – наблюдать, когда среди этого десятка в глаза ей бросилась шевелюра, окрашенная в разные цвета.

Аллочка испуганно метнулась в коридор, спряталась в зарослях огромной китайской розы и даже дышать перестала.

– Значит, и утром – свидание, да? – прошипела она.

Надо было срочно что-то придумать! Эта дамочка могла ее запомнить вчера, могла и не разглядеть, но рисковать не хотелось. И потом, выйдет Фома, увидит Аллочку, и что?

В голове ее закрутились различные мысли, но ни одна идея не решала проблемы. Ее решила бабуся, кажется, баба Надя. Она прошептала с ведром мимо Аллочки и даже что-то недовольное пробурчала.

– Баба Надя! – приветливо воскликнула Аллочка. – Здравствуйте!

Старушка повернулась, окинула ее взглядом и недоуменно произнесла:

– Ну, здорово, коль не шутишь. Токо я не припомню, ты откуда ж меня знашь?

– Да как вас не знать, – махнула рукой Аллочка. – Я специально вас жду, у меня к вам такой разговор...

– Некогда мне разговоры разговаривать. Работу надо сделать.

– А давайте я вам помогу! – осенило Аллочку. – Я вот тут вымою, а вы потом придете, проверите. Я знаете как умею полы мыть! Институт по этому делу прошла.

– А чегой-то ты к тряпке-то рвесси? – подозрительно прищурилась бабуся.

– Так я же говорю, есть дело, а вам некогда. Так я пока вас дождусь! Я сама быстрее вымою. Да и вы отдохнете.

– А ежели кто из начальства выйдет?

– Ваше начальство до октября на югах загорать будет, а то вы не знаете, а остальным и дела нет, скажу, что вы приболели.

– Да типун тебе! – замахала сморщенными ручками старушка. – На, бери вот тряпку да ведро и шагай мой. Да токо гляди, чтоб мне ни пылинки!

Аллочка радостно кивнула, но тут же снова уцепилась за бабу Надю.

– А халат? Я же не могу в выходном платье.

– Дак откуда у меня халаты? А мой не налезет, брюхо-то у тебя вишь какое.

– Нормальное у меня брюхо, – обиделась Аллочка. – Я застегиваться не буду. И косынку дайте. Ну что вы на меня смотрите, голова-то у меня нормальная!

Баба Надя скинула синий халат, а вместо косынки повязала Аллочке на голову кусок марли, нечего, мол, своими платками разбрасываться, говорят, педикулез всюду разгулялся.

Но Аллочка осталась вполне довольна. Она так боялась, что разноцветная дама с длинными когтями исчезнет, но она сидела на своем месте. Теперь Алла Власовна могла ее хорошенько рассмотреть. Да уж, видно, богатая дамочка попалась, если Фома с молоденькой Варьки перекинулся на тетеньку такого серьезного возраста. Женщине было, на первый взгляд, лет тридцать, но уж Аллочка-то хорошо знала, куда надо смотреть, чтобы определить годы более точно – на шею! А шея у дамочки была отнюдь не девичья, и даже мощная золотая цепь не спасала положения.

Дама скорбно смотрела в стену, изредка вздыхая.

Алла Власовна махала тряпкой рядом с синими целлофановыми бахилами пациентов и старалась заглянуть в карточку богатой посетительницы. Но безуспешно – свои документы дама крепко держала в когтистых руках. Оставалось только дожждаться, когда медсестра вызовет ее по фамилии.

Аллочка перемыла пол в этом месте раз тринадцать, протерла все подоконники (той же тряпкой, естественно), а даму все не вызывали.

«Господи! О чем я думаю, ее могут и вовсе не вызвать, – вдруг сообразила Аллочка. – Она просто дождется, когда очередь пройдет, и войдет в кабинет. А там уж...»

Но додумать она не успела. Из кабинета выскочила сухонькая медсестричка Лида и рявкнула во всю силу своих легких:

– Трофимова! Вероника Семеновна! Проходите.

Дамочка с ногтями вздрогнула, одернула костюмчик, как сейчас называют, цвета фуксии и порхнула в кабинет Фомы.

Аллочка занервничала. С одной стороны, все правильно: у женщины подошла очередь, и она вошла на прием к врачу, а с другой... Кто знает, чем они там занимаются?

– Ничем, – сама себя успокаивала Алла Власовна. – Чем они могут там заниматься, если там торчит этот цербер – Лидочка?

И все же любопытство переселило. Аллочка ухватила ведро, спиной открыла двери и ввалилась в кабинет Фомы. Непонятно, что она хотела услышать, но уж точно не то, что услышала.

– Баба Надя! – взорвалась Лидочка. – Куда вы претесь-то? Вам же велено в нашем кабинете убирать после приема! Ну ни фи́га не смыслит!

– Лидия Васильевна, извольте выбирать выражения. Не на рынке, – грозно одернул медсестру Фома. – А вы, Надежда Филипповна, выйдите, уберете после приема.

Аллочка, не поворачивая головы, так и вышла, толкая впереди себя ведро.

Больше возиться с ведрами не имело смысла, даже наоборот, надо было пождать, когда выйдет эта раскрашенная особа, проводить ее, проследить, где живет-работает, побеседовать с ее соседями, иными словами, собрать информацию.

Аллочка принялась искать глазами бабу Надю, но той нигде не было видно. А между тем времени терять было нельзя – вот-вот появится дама, и тогда Аллочка точно ее упустит.

– Будем считать, что лечатся тут приличные люди, обеспеченные, на ведро не позарятся, – мудро решила Алла Власовна, поставила ведро с грязной водой в уголок, рядом уложила все снаряжение и выскользнула из клиники.

Она устроилась возле новенькой колонны с цветами и стала ждать. Очень скоро из клиники легко вышла знакомая уже дама, и вот тут-то Аллочка реально поняла, что в клинику ходят люди обеспеченные. Во всяком случае, хотя бы имеющие автомобили.

Дамочка, которую наивная Аллочка прождала столько времени, подошла к огромному авто, села за руль – и исчезла. Аллочка была так обескуражена этой несправедливостью, что даже номер машины не догадалась запомнить.

– Что называется, автомобиль – не роскошь, – развела она руками и поплелась домой. Ей еще надо было успеть подготовиться к вечернему свиданию.

Глава 2

Поворот налево запрещен!

Когда Аллочка вернулась домой, в кухне о чем-то тихонько беседовали Гутя и ее дочь. Понятное дело, теперь сестре ничего про Фому не расскажешь, надо подождать, пока Варька хоть в ванну залезет, что ли. Зачем девчонке нервы трепать!

Аллочка переоделась и подседа к столу:

– Варь, а почему у тебя руки такие грязные? – невинно спросила она, надеясь, что племянница тут же понесется в ванную.

Варька бегло глянула на свои руки и снова повернулась к матери.

– Варь, а у тебя еще и эти, ноги тоже. Ты когда душ принимала? – не могла спокойно ждать Аллочка.

– Да все нормально у меня с ногами и с руками тоже, – поморщилась Варька. – Мам, и вот, значит...

Аллочка уже совсем приготовилась выслушать, чем там делится Варька с Гутей. Но тут позвонил телефон. Будто огромный махаон, Алла Власовна поднялась с места и метнулась к аппарату. Конечно, для свидания было еще очень рано, но... Кто знает, может, новый знакомый просто соскучился по ее голосу?

– Аллеу! – томно мурлыкнула Аллочка, закатив глаза. – Аллочка слушает, говорите.

– Нет, Аллочка, я с тобой не буду говорить, ты Гутю позови, а? – затараторила в трубку одна из членов Гутиного клуба знакомств, дама тридцати шести лет, «вечная невеста» Серафима Андреевна. – Аллочка, позови Гутю. У меня к ней дело.

Когда ей так говорили, Аллочка сильно обижалась. У них, видишь ли, дела какие-то, а с ней даже никто и говорить не собирается! То есть ее ни во что не ставят, так получается?

– Я не могу, – свредничала Аллочка. – Гутя занята. А что ты хотела, Симочка?

– Ой, не знаю, как и сказать, – замялась Серафима. – Аллочка, она мне очень нужна!

– Скажи мне, я передам, – невозмутимо отвечала Аллочка.

– Да, как же! Передашь ты! – расстроилась Серафима. – Меня жених пригласил к себе в гости, на первое свидание, так сказать, а я адрес не записала. И прозвонить ему стесняюсь, подумает, что я несерьезно настроена. Вот и хочу у Гути адрес уточнить. А ты разве уточнишь? Ты же сама на это свидание и явишься!

– С чего это я явлюсь? Когда это я являлась? – медленно закипала Аллочка. – С чего бы я к чужим-то?

– Можно подумать, такого никогда не было, – не унималась Серафима. – А у Оленьки Сидоркиной, помнишь? Она по рассеянности тебе не тот пригласительный отдала. А ты! Сама к нему заявила и сказала, что все отменяется! И потом его еще и в кино потащила. А он позвонил Оленьке и сказал, что если она хотела от него отделаться, то можно было сразу сказать, а не натравливать на него свою мать. И вообще, знакомиться с ее матерью он был не готов, и больше звонить ему не надо. Что, скажешь, не было? Или Иринку Меховскую вспомнить! Ты его номер в ее записной подсмотрела, а потом целый месяц ему названивала и рассказывала об Иринке гадости, пока он ее не бросил! Опять, скажешь, не было?

Аллочка только сопела. Ну да, ну было. А что она не так сделала? Ольга пригласила всех на день рождения летом, а сама зимой родилась, это ничего, да? И потом, ну, понравился ей Оленькин кавалер. Вот так прямо увидела – и все! И пропала! И ничего не смогла с собой поделать. А в любви все средства хороши, как на побоище. А потом Аллочка опять пропала, увидев знакомого Леночки Веселовой. А затем – Катиного приятеля. И уж потом – друга Иринки Меховской. И ничего она такого не говорила. Просто сообщила, что у Иринки

двое детей и брат-алкоголик, и все. А уж в том, что мужчина не захотел себе такой родни, Аллочка нисколько себя не винит.

– Знаешь, Серафима, – с легким превосходством оттопырила она губу. – Мне с вашими женихами возиться совсем времени нет, со своими бы управиться.

– Ой, я тебя умоляю-а-ю, – недоверчиво протянула Серафима. – Кому ты рассказываешь? Откуда у тебя женихи-то? И что это за женихи, могу себе представить!

– Не можешь, потому что ваши тонконогие пузатые красавцы моему Максиму и в подметки не годятся! – легко фыркнула Аллочка. А потом эдак равнодушно добавила: – Кстати, мне некогда с тобой разговаривать, он вот-вот заедет за мной на своей машине, и мы поедem в его загородный особняк.

Серафима немного помолчала, а потом искренне спросила:

– Он в чем-то провинился, да? Перед родней или еще перед кем-то? И теперь придумал себе такое наказание, да?

– Ты слышала такое слово – любовь? А еще есть словосочетание «любовь с первого взгляда», не слыхала?

– Аллочка, чтобы тебя полюбить, надо пятьдесят лет не видеть женщин.

– Сама дура! – рявкнула Аллочка и бросила трубку.

– Аллочка, ты с кем там? – крикнула Гутя из кухни.

– Да так... кавалер спросил, какие я цветы предпочитаю.

– Скажи – все. Кроме искусственных, – посоветовала ей Варька.

Но Аллочка уже не слышала ее. Она решила сообщить всем сногшибательную новость о своем новом знакомстве и набирала номер еще одной дамочки из клуба.

– Але, Вика? Да, это Аллочка. Я что тебе звоню, ты не подскажешь, в каком магазине есть хорошие камни? Да нет, мне мой друг хочет подарить, а еще не присмотрела, а ты же понимаешь, что... Что значит – какой друг! Мой! Максим Михайлович. Мы с ним знакомы уже целую вечность!

Пауза. Новый номер.

– Танечка? Танюша, ты не в курсе, какие сейчас платья в моде? Нет, мне надо не слишком эпатажное. Понимаешь, меня Максим Михайлович ведет знакомиться со своей мамой, не хотелось бы старушку сильно травмировать, и... Как это – какой Максим Михайлович? Мой друг. Пока друг, но очень, очень настаивает на...

– Вера Сергеевна? Вера Сергеевна, вы не знаете, куда сейчас лучше полететь с мужчиной на отдых? Хочется, чтобы было жарко, да... Нет-нет, он совсем не стеснен в деньгах, что вы! Как это про кого? Про своего Максима Михайловича.

У нее еще осталось несколько номеров, но суровая длань родной сестрицы улеглась на кнопки телефона.

– Хватит врать, на свидание опоздаешь.

Аллочка кинулась к часам, времени было предостаточно.

– Только зря отвлекла, – недовольно пробурчала Алла Власовна. – Сама, главное, сидит там с Варькой, ляды точит. Нет, чтобы поинтересоваться: «А как ты сходила на задание, милая сестрица?», так она... И вообще! Я смотрю, ты на свое «дежурство» не слишком торопишься? Я-то следила за Фомой! Как и полагается. А вот ты! Собирайся! И главное, хоть бы спросила...

– Да что спрашивать-то, – отмахнулась Гутя. – Утром-то он шашни не станет крутить.

– А вот и станет! – воскликнула Аллочка, но спохватилась: – А Варька где?

– Она новый фильм по компьютеру смотрит. Диск ей принесли, она наушники нацепила, говори, она ничего не услышит.

Аллочка вздохнула:

– Ой, Гуть, я не знаю, какие у них отношения, но эта тетка сегодня на прием к Фоме приходила.

– На прием! – охнула сестра и тихо опустилась на диван.

– Да какой там прием, – насупилась Аллочка. – Я, конечно, пыталась просочиться, но...

– Он тебя видел?

– Нет, я тети Надин халат надела, ну и... Ты, Гуть, не расстраивайся, там у него такая медсестра сидит!

– Лидочка, я ее видела.

– Да какая там Лидочка! Лидиша! Такая вредная баба!

– Но зачем же тетка приходила?

– Не знаю, хотела подслушать, но... Вот ты пойдешь, может, она снова к нему прибежит, и тогда уж сама послушаешь.

– Да, ты права. Спасибо, Аллочка. Тебе, кажется, надо было куда-то собираться?

– Не куда-то, а на свидание, – набычилась Аллочка.

Похоже, ее личная судьба вовсе никого не интересует!

Она приготовилась ровно за час до назначенного времени, эти мужчины, они же всегда торопятся! Нет, потом-то она, конечно, научит Максима ждать ее часами, но к первому свиданию лучше подготовиться заблаговременно.

Он позвонил в половине шестого, и Аллочка сразу же поняла, что свидание не состоится.

– Аллочка, это Максим Михайлович, – как-то слишком безрадостно представился он.

– Я узнала! – воскликнула та. – Я всегда узнаю, вот кто мне ни позвонит, я сразу – ать! И узнала. Мне уже выходить? Я готова!

– Аллочка, у меня изменились обстоятельства, – замямлил в трубку кавалер. – Боюсь, что наша встреча состоится только завтра. Вы меня сможете простить?

– А сегодня что? Вы на работе кого-то подменяете, что ли? Или у ваших соседей трубу прорвало и вас залило? Или, может быть, пожар? У наших знакомых был пожар, даже пожарников вызывали, и ничего. Как они уехали, так Федька на все плюнул и побежал к мужикам в гараж водку пить. С горя!

– Аллочка, у меня нет пожара. У меня... хуже.

– К вам вернулась жена, да? – тихо ужаснулась Аллочка.

– Я за вами заеду завтра, в это же время, хорошо? И выпрошу у вас прощение. Только ради бога, не говорите, что вы завтра заняты!

– Да чем я там занята, разве что в магазин сбегая, – тяжело вздохнула Аллочка. – Ну смотрите, если уж вы и завтра не приедете, я больше ждать вас не буду, так и знайте! На меня сегодня Пашка с четвертого этажа заглядывался, да и дворник наш, дядя Петя, уже давно глаз положил. Так что...

Ей показалось, что он фыркнул, но наверняка – показалось, потому что он ответил совершенно серьезно:

– Хорошо, я непременно учту конкуренцию. До завтра, чаровница!

– Спокойной ночи, – заалелась Аллочка и отошла от телефона, уже совсем успокоенная.

– Ты что? – спросила ее Гутья, заметив, как сестра стягивает нарядный костюм.

– Я сегодня никуда не еду, – с блаженной улыбкой ответила Алла Власовна. – У него случились неотложные дела, и он перенес свидание на завтра.

Гутья покачала головой:

– Ой, дурит он тебя, Алка. Соскочит, чует мое сердце.

– Ну что ты такое говоришь? – кинулась на защиту кавалера Аллочка. – Вот ты же умная женщина! Во всяком случае, сама так считаешь! Вот и подумай – если ему надо соскочить, он бы звонил и переносил на завтра? Ну, что молчишь? Он бы просто взял и не позвонил. И все. А у меня о нем – никаких данных. А он побеспокоился, позвонил, предупредил, пообещал, что... ну, это уже не твое дело.

– Да, правда, – отчего-то быстро согласилась Гутя. – Садись со мной, я мантыстряпаю, а их лепить – замучаешься. Сама знаешь.

Аллочка перекривилась. Нет, конечно, манты – это тебе не пельмени лепить, тут надо быстрее поворачиваться, и все равно! Зачем себя мучить, если можно пойти и купить, какие нужно и сколько хочется?

– Гутенька, а у меня что-то вот тут щемит, – уткнула она руку куда-то в область пышного бюста.

– Ну соври еще, что это сердце, – осуждающе мотнула головой Гутя.

– Ну почему? – вытаращилась сестрица. – Там много всего, например, кости или селезенка, или предстательная железа.

Гутя совсем посуровела:

– Пока справку не принесешь, что у тебя предстательная железа болит, даже и не зайкайся. Лентяйка.

– Это не я лентяйка. Сама не пошла на задание, а я, между прочим, все сделала как надо. Я даже в халат переоделась. А ты! И где опять твой Фомочка? Упустила?

– Ему Варька уже на работу звонила, сказали, что он с главврачом на какое-то обучение поехал.

– Понятно, тот его научит! Интересно, где у них сегодня этот «институт», в каком ресторане?

– Придет, и выясним! – строго оборвала ее сестра. – А ты зря не болтай. Так ведь и жизнь человеку можно сломать, двоим человекам, нет! Даже троим получается.

– А меня опять никто в расчет не берет, да? – обиженно проворчала Аллочка.

Сестрица только вздохнула:

– Если ты своим языком Варьке навредишь, я тебе не жизнь – я тебе шею сломаю. Ты будешь мантыстряпать или сегодня посидишь на диете?

Пришлось сесть и лепить манты.

Манты в доме любили все. Особенно их уважал Фома. В такие минуты он даже называл Гутю мамой и почти не ссорился с Аллочкой.

Но сегодня все было по-другому.

Фома заявился домой поздно вечером, сам не свой, на нем, что называется, лица не было, и сразу прошел в свою комнату. Только буркнул что-то типа: «Здрассть», и все. А какое там «здрассть», если утром уже здоровались?

– Ой, Гуть, – кивнула на него Аллочка. – Посмотри, как он переживает. Прямо черный весь, и отчего ему Варьки не хватает?

– Варенька! Идите кушать! Сегодня манты! – закричала из кухни Гутя, вовсю гремя крышками и стараясь не слушать ропот сестрицы.

Из комнаты молодых никакого движения не слышалось.

– Чувствует себя побитой собакой, потому и не идет, – подсев к сестре, шепотом проговорила Аллочка.

– Ничего, сейчас такой запах пойдет, что все собаки сбегутся, – успокоила ее Гутя. – Прибежит как миленький.

Однако через полчаса, когда по всей комнате и в самом деле поплыл запах, скручивающий желудок в мокрую варежку, и тогда из комнаты молодой пары никто так и не высунулся.

– Спать залег, – тихонько предположила Аллочка. – Чтобы в глаза нам не смотреть. Вот точно я тебе говорю, рыло у нашего Фомы опушилось, в пуху стало, то есть.

– Ой, не трави душу, – не выдержала Гутя и сама стукнулась в их комнату. – Варя! Я сколько вас звать буду?

– Мам, мы, наверное, не будем ужинать, – высунула в дверь встревоженную мордашу дочь.

– Это еще что за новости? – Гутя вздернула брови. – Никаких «не будем»! Мало ли что в жизни бывает? Подумаешь, бабу себе на стороне завел, что ж теперь, мужика голодом заморить?

– Мам, ну какую бабу?

– Обыкновенную! – вынырнула из-за плеча сестры Аллочка. – Ты думаешь, мы не видим ничего, да? Да мы!...

– М-м-м-м... – откуда-то из глубины их комнаты грустно промычал Фома.

– Мам! Ну вы же ничего не знаете! Аллочка! – чуть не со слезами воскликнула Варька.

– Да! Может быть, мы не разобрались в тонкостях, но суть! – Аллочка вытянула толстый палец вверх. И только тут обнаружила, что уже давненько надо бы сделать маникюр.

– погоди, Варя, я сам, – и на пороге появился осунувшийся Фома. – Я сам все расскажу, черт, а как не хотелось!

– Иди, расскажи, покайся. А там и простит тебя Варька, любит ведь, и ты ее любишь, чего между молодыми не бывает, – курицей заквохтала возле зятя Гутя. – Только давай-ка сначала за стол, я мантиков налепила. На сытый желудок и беда в полсилы, и... Аллочка! Ну что ты эти манты мечешь! погоди хоть, все усядутся. Фомочка, садись, Варька, достань горчицу.

Фома как-то растерянно прошел за стол, взял вилку и начал медленно ковырять тонкое тесто. Такого с ним никогда не случалось. Именно Фома ввел в доме обычай, что манты надо есть руками. А не истязать вилкой. И страшно сердился, если кто-то из домашних нарушал правила.

– Весь труд повара насмарку, – ругался он. – Аллочка! Руками их надо есть.

– А если у меня на руках микробы? – не сдавалась обычно та.

– Тогда иди и вымой. Микробы она тут за стол притащила. Самим есть нечего. Еще их кормить?

И вот сегодня...

– Ну вот что, – не выдержала Гутя. – Давай, рассказывай все, как есть, сколько ж нас томить можно?

– Вы с ней часто встречались? – быстренько спросила Аллочка.

– С кем? – туманным взглядом одарил Аллочку Фома.

– Ну с этой, с твоей женщиной?

Фома медленно повернулся к Варьке:

– Варь, какая женщина? О чем она спрашивает?

– Аллочка, ты сейчас о чем? – повернулась к тетке Варька.

Аллочка тяжело вздохнула и выдала:

– Давай, Фома, раскрывай карты. Приходила к тебе сегодня на прием женщина?

Фома неуверенно мотнул головой, дернул кадыком и уточнил:

– И даже не одна, я не помню, человек семнадцать женщин было, наверное, а может, и двадцать.

– Мы же договорились, все начистоту, – сурово сдвинула брови Алла Власовна. – Я спрашиваю про эту, ну как ее... Короче, признавайся, водил ее в ресторан? Только не ври мне!

Фома повернулся к Гуте и помотал головой:

– Я нич-чего не понимаю! Давайте так: я сначала рассказываю, что у меня стряслось. А уж потом вы – все начистоту.

– Давай так, – быстро согласилась Гутя, – только ты ешь, ешь.

– Да какое там, – горько махнул рукой Фома и отодвинул тарелку. – У меня на работе творится какая-то... черт его знает, что у меня там творится! Полтора месяца тому назад к нам пришел следователь и сообщил, что погибла одна довольно молодая еще женщина, Анна Дмитриевна Пчелкина. Погибла насильственной смертью. А поскольку незадолго до гибели она была моей клиенткой, то следователь и пришел ко мне – выяснить все, что мне известно о

несчастной. Ну, что мне там известно, так, мол, и так, обращалась к нам неоднократно, у нее проблемы с сосудами, короче, рассказал все, что знал. Кстати, следователь меня хорошо знает. Я его дочку оперировал, в общем, пообщались в дружественной обстановке, так сказать.

– Ну и ладно, – погладила по плечу зятя Гутя. – И выкинь из головы.

– Так я бы и рад! Но после этого погибает еще одна женщина! И тоже моя клиентка, Софья Николаевна Аркадьева. Дама солидного возраста, состоятельная приятная! Кстати, она в каком-то фонде работала, больным помогала, перечисляла деньги на операции. И тоже кто-то ей умереть помог. Следователь снова ко мне. Теперь было уже труднее, то есть я, конечно, рассказал, что к этому непричастен, это ж ясно. Да и свидетелей у меня целая поликлиника, во время ее убийства я на работе находился.

– Вот идиотство, – не выдержала Гутя. – Я даже не знаю, ну, что теперь поделать, и ты же не виноват, нельзя себя так изводить.

– А сегодня, – Фома уткнул лицо в ладони. – Сегодня мне сообщили о смерти Трофимовой Вероники Семеновны. Ее убили по дороге домой. Она ехала от меня.

– Погоди-ка, – насупилась Аллочка. – Трофимова Вероника Семеновна? Это не та, которая к тебе сегодня на прием приходила? Такая вся, в полосочку? И ногти, как картинки?

– Я не помню ее ногти, но говорю – она ехала от меня, когда ее убили.

– Погоди, ее прямо в автобусе? – не сообразила Гутя.

– Она не ехала в автобусе, у нее «Лексус», – вздохнул Фома. – Ехала домой, у нее дом в черте города, но... короче, на дороге, как предполагается, ее кто-то остановил, она вышла, ей накинули удавку на шею и... В общем, вот такая картина. Сразу заявляю – о совпадениях говорить не приходится.

– Ну, надо рассматривать все версии, и совпадения тоже, – невозмутимо проговорила Гутя.

– Третья моя пациентка – и совпадение?! Не смешите меня! – горько дернул губой Фома.

– И не думала. Но городок у нас небольшой. Все эти несчастные могли появляться в одном месте, например, посещать одну и ту же парикмахерскую, ходить в одни и те же магазины, бутики, спортзалы, я уж молчу про театры и цирк.

Фома с интересом уставился на тещу:

– Вы в самом деле так думаете?

– Это же логично, – вытаращилась Гутя. – И потом, рассуждай здраво. Ваша клиника – одна из самых известных, так?

– Н-ну да, она входит в тройку лучших в городе.

– А погибшие были, насколько я поняла, примерно одного возраста и достатка, так ведь? Все женщины в определенном возрасте начинают лечиться, потому что организм изнашивается, это аксиома. И что удивительного в том, что состоятельные леди могли позволить себе одну из лучших клиник? Это же ясно, они в плохую не пойдут. И что тут думать? Тут надо думать не о том, что они все – твои клиентки, а о том, что идет уничтожение состоятельных дам, я бы так сказала, – важно закончила Гутя и победно посмотрела на зятя.

Тот уставился на нее во все глаза и даже потянулся за тарелкой с мантами.

– Ну вот! Я же говорила, что на тебя никто не думает! А ты еще не хотел маме сказать, – радостно воскликнула Варька. – А мама, видишь, у нас какая? Она сразу все и поняла. Сразу и сообразила. Я ж тебе говорила, что мамочка у нас – настоящий детектив. Ты же помнишь, сколько она преступлений раскрыла.

И рыжая девчонка подскочила к матери и звонко чмокнула ее в щеку.

Аллочка крикнула. Вообще-то, в их семье именно она считалась настоящим детективом. И преступления раскрывала тоже она. Она даже открыла собственное детективное агентство, загнувшееся из-за отсутствия заказчиков. Но ведь не из-за Аллочкиной же профнепригодно-

сти? И потом, что-то мешало Алле Власовне так же беспечно подскочить к сестре и облобызать ее ланиты.

– Ф-фу, – с облегчением выдохнул Фома. – Вот честно скажу, женщин тех жалко, я их знал, но – будто камень с души упал. А то мне так и мерещилось, что за спиной люди в меня пальцем тычут, как в убийцу.

– Фома, – невинно спросила Аллочка, заталкивая в рот манты. – А кто это – Вероника Семеновна? Эта не та фифочка, с которой ты в ресторане сидел?

Фома так поперхнулся, что Варьке пришлось с силой долбануть его по загривку.

– В ка-а...ком ресторане?

– В «Сентябре». Я тебя там видела.

– Я... я не ходил в ресторан в сентябре, он наступил-то три дня назад. Нет, я точно еще ни с кем в рестораны не ходил.

– Аллочка! Ну что ты опять мелешь? – с укором зыркнула на тетку Варька. – Фом, возьми майонез. Или тебе горчицы?

Как ни старалась Варька увести разговор от тяжелой темы, но Аллочку было свернуть не так-то просто.

– Понимаешь, я вчера... ну да, вчера! Так вот. Я вчера зашла случайно в ресторан. Просто меня там ждал один мужчина, он меня пригласил, Варька, я потом тебе о нем расскажу. Сажу я за столиком, смотрю по сторонам, потому что мне за заказ платить нечем, и думаю, какого бы дурака отыскать? Нет, не так. И, значит, думаю, кто это сидит за столиком возле входа? А возле входа сидишь себе ты, Фома, а с тобой такая яркая особь женского полу. И голова-то у нее разным цветом выкрашена, и цепь-то у нее вся прям метражом, и ногти... Фома, а ногти у нее – вообще! Я не понимаю, как ты не заметил такую красоту? Вот если бы мне Гутя денег побольше давала, я бы только такой маникюр и делала. Варька, представляешь, такие длинные, а на каждом – отдельная картина нарисована.

– И как ты эти картины разглядела? – недоверчиво фыркнула Варька. – Ты же не за одним столом сидела с ней.

– Так я подошла! Вот честное слово, взяла и подошла. И вежливо поинтересовалась: «Женщина, у вас закурить не найдется?» А она даже не взглянула на меня. Но рассмотреть-то я ее успела.

– Ничего не понимаю, – снова отодвинул тарелку Фома. – Аллочка! Я не был вчера в ресторане!

– Был. В «Сентябре».

– Да нет же! Говорю, ни в «Сентябре», ни в «Октябре», ни во всех остальных месяцах года. Я был... Господи! Да целая клиника видела, что я с работы ушел черт-те во сколько.

– А у меня есть свидетель. И он сегодня обещал прийти, но у него что-то случилось. А вот завтра он за мной заедет, и можно будет у него спросить.

Фома заморгал и ухватил себя за виски.

– Так, давай разберемся. Значит, из дома я вышел в девятом часу, у меня вчера прием был с десяти до двух. Доехал нормально, без приключений, переоделся, начал прием. А потом... В два часа мы с главным ездили знакомиться с новым аппаратом, нам один спонсор его подогнал, очень нужная и сложная штука, нужно обучение. И мы с главным обучались – до восьми вечера и обучались. А потом нам Игорь Матвейч, врач один, старый и умный, как черт, сказал, где у нас в городе уже работает еще один такой аппарат, и мы туда помчались. И пробыли там... Да, мы там и просидели до двенадцати. А потом я поехал домой. Главный может подтвердить. Я и сегодня с ним был. Только мы сегодня уже наш аппарат проверяли. Пригласили этого Игоря Матвейча, и он нам на нашем аппарате показывал, как надо. Аллочка! Ну что ты хмуришься? Я ж говорю, главврач подтвердит.

– Да твой главный что угодно подтвердит, – пробурчала Аллочка. – А я сама видела. И сегодня видела, как к тебе в кабинет эта самая Вероника Семеновна заявила.

– Сегодня? – снова быстро заморгал Фома. – Да, точно, сегодня она была у меня на приеме. Так я сразу сказал, ее убили, когда она домой из нашей клиники возвращалась.

– Ну? – уставилась на тетку Варька. – Теперь убедилась?

Аллочка могла бы поверить Фоме. И охотно поверила бы, но она же еще не выжила из ума.

– Просто Аллочка так со своим кавалером заболталась, что с кем-то спутала нашего Фому, – мило улыбнулась Гутя.

Аллочка хотела было напомнить, что, когда она разглядела Фому, никакого кавалера у нее еще не было, но под столом сестрица с такой силой треснула ее ногой, что Алле пришлось изобразить некое подобие стеснительной улыбки.

– Ну вот и славно, – успокоилась Гутя. – Фома, давай тарелочку, я тебе еще подложу. Почему ты сразу не рассказал все? Сразу бы и разобрались, и дело с концом. А то вон как ты похудел.

– Ой, мам, а если бы ты слышала, как он по ночам стонет, – пожаловалась Варька. – Фомочка! Поешь, и сразу в кроватку, отдыхать.

У Аллочки аж скулы свело – еще ничего с рестораном не ясно, а эти две курочки уже не знают, как облизать свое сокровище.

Между тем «сокровище» быстро справилось с ужином, и они вместе с Варькой исчезли в комнате. И уже через полчаса из-за двери донесся зычный храп.

– Надо Варьке сказать, чтобы она ему носки постирала, – вспомнила Гутя. – Я в последнее время машинку не заводила, а мужику завтра надеть нечего.

Она осторожно постучалась, потом сунула голову в комнату молодой семьи и на цыпочках отошла.

– Представляешь, спят, как младенцы, – сообщила она сестре.

– И Варька?

– И Варька. А что ты думаешь, она за Фому переживает не меньше, чем он сам. А теперь немного успокоились, уснули.

– А кто из этих младенцев так трубит? Прямо вылитый слон в бешенстве.

– Это не слон, это Фома. Намучился.

Аллочка запыхтела и накинулась на сестру:

– Гутя! Скажи, почему ты меня не слушаешь, а? Я правду говорю, видела я в том ресторане Фому! Почему не веришь-то?

– А потому, что, прости, моя дорогая, но ты сама себе противоречишь. То тебя в ресторан пригласил мужчина, и вроде бы даже ждал, но вот за твой заказ заплатить было некому. Или – ты подошла к этой даме и попросила закурить. И это ты-то! Которая вообще сигарету в руках не держала.

– Да, я подходила. Но я не курила, а попросила только. И она мне не дала, потому что, кажется, у меня сигарета была совсем дешевая, даже без фильтра. А мужчина... был мужчина! Только я на свидание с одним отправилась, а он... в общем, сбежал, паразит. Но зато я очень быстро познакомилась с Максимом Михайловичем, я тебе о нем рассказывала. Так что... Но я правда Фому видела!

– Ты с ним разговаривала? Ты его видела вот так, как меня? Только не ври, Аллочка!

– Я его видела, но не так, он далеко сидел. А потом он на минутку вышел, и я подошла к его бабе... даме. И я не разговаривала с ним. Он сразу убежал бы.

– И о чем это говорит?

– Это говорит только об одном: он трус. И бабник. А может, и убийца.

– Даже и не думай! – прикрикнула на нее Гутя. – Надо настоящего убийцу искать. А Фома...

– Но тот мужчина даже одет был так же, как Фома. И повадки все его. Он и головой вот так же делал, и руками.

– Вот я и думаю, если кто-то так похож на нашего Фому, даже жесты его копирует, то... кому понадобилось обезьянничать?

– Почему – обезьянничать? А может...

– Нет, не может! Объясняю: кому-то надо было, чтобы Фому увидели в ресторане вместе в этой Вероникой Семеновной, а потом от нее избавиться. Вот и подумай: кому?

– А что тут думать – убийце, – пробурчала Аллочка. – Чтобы потом это убийство повесить на Фому.

– Правильно! И заметь, Фома находился на работе, то есть его никто не видел, значит, алиби у Фомки нет. Так, во всяком случае, убийца и размышлял. Он же не знал, что Фома вместе с главврачом какой-то прибор поедет изучать.

– Получается, что этот мужик... он – клиент Фомы!

– С чего ты взяла? – спросила Гутя.

– С того, что он прекрасно видел, что к Фоме на прием прибыла эта Вероника Сергеевна. Он даже знает, когда она уехала, – сосредоточенно объясняла Аллочка. – Ему даже известно, что Фома ушел домой рано. Но вот о том, что он идет опять-таки на работу, убийца не ведал. А ведь в клинике все знают, что Фомка изучал аппарат.

– Здесь надо еще подумать, – почесала подбородок Гутя. – Во-первых, преступником может быть вовсе не мужчина, а женщина. Например, подруга этой дамы. Ведь отчего-то погибшая остановилась на дороге? И потом... Откуда этот человек знал, что Вероника поедет домой именно в это время? Она же запросто могла прокатиться по магазинам, завернуть к подруге, к мужчине, в конце концов, или ехать обратно с мужчиной, могла ведь? А тут все так продумано. И еще, преступник не ВИДЕЛ, что Вероника приехала к Фоме на прием, он это ЗНАЛ. Иначе когда бы он успел встретить ее на дороге?

– Обогнал, например.

– Спорно. Я понимаю, тут нам еще работать и работать. Берем это дело на себя.

– Да что ты! – поддела ее сестра.

Уж кому, как не Аллочке, братья за такое! Но Гутя насмешки не заметила. А еще раз серьезно подтвердила:

– Да, именно нам. Ты же видишь, как Фома нервничает, прямо угасает на глазах. И потом, когда расследование ведется в нескольких направлениях, дело движется быстрее.

Аллочка откровенно фыркнула – вовсе не надо ей разжевывать азбучные истины. Конечно, она расследует все, только при чем здесь Гутя? С нее-то точно толку, как молока с божьей коровки.

На следующее утро Аллочка нагрузила Гутю серьезной работой. Едва за дверями исчезли Фома с Варькой, как она разлепила веки, не поленилась встать с постели и строго сообщила:

– Сегодня приступаем к следствию. У меня кое-какой план уже созрел.

Гутя покорно хлопала глазами, дивясь расторопности сестры.

– Гутя, ты отправляешься в клинику Фомы и переписываешь всех пациентов, побывавших у него за последние два месяца.

– Зачем? – не поняла Гутя.

– Я тебе потом объясню, – махнула рукой сыщица и строго проследила за тем, чтобы сестра, не откладывая это серьезное дело в долгий ящик, быстро собралась и покинула квартиру.

Гутя под ее пристальным взглядом собралась за десять минут.

– Вот сейчас прямо и идти? – на всякий случай уточнила она.

– Да, Гутенька, сию минуту. И не забудь, мне нужна полная информация. Так что перепиши всех.

Гутя мотнула головой и вышла, а Аллочка сладко потянулась и снова забралась под толстое одеяло. По большому счету, особенной спешки дело не требовало, но ведь Гутя как начнет нудить: «Аллоська, вставай! Уберись в своей комнате! Да когда узе ты начнешь приносить деньги в дом? Да сколько зе мозьно спать?» Ну, и конечно, разве тут выспишься? А Аллочке непременно надо выспаться. Сегодня у нее свидание, к тому же, Максим хотел выпросить у нее прощение любыми путями. Вот и надо поразмыслить, какими бы такими путями его простить? Путевку в Турцию попросить, что ли?

Казалось, Алла Власовна и уснуть-то как следует не успела, а сестрица уже тормошила ее, безбожно стягивая одеяло.

– Я просто удивляюсь! Какая безответственность! Я думала, она тут вся в работе, а она... Когда же ты начнешь приносить... черт с ними, с деньгами, но хоть какую-то пользу! Уберись в своей комнате, наконец! И вообще!

– Гутя, у нас на втором этаже собачка живет, у тети Лены, мне иногда кажется, что вы с ней на одном языке разговариваете... с собачкой.

– Ах так, да? Я – с собачкой? – сестра развернулась и обиженно хлопнула дверью

Злить Гутю было себе дороже. Тем более в преддверии завтрака. У Аллочки уже давненько попискивало что-то в животе, но подниматься раньше не имело смысла, не вставать же самой к плите, все равно ничего путного у нее не получится. Но вот сейчас... И вообще, с чего это сестрица разошлась? Ну, подумаешь, прилегла Аллочка, так это потому, что так удобнее думать.

– Гутиэра! Я просила раздобыть списки Фомкиных посетителей, ты почему так наплевательски отнеслась к заданию? Ты ведь понимаешь, мне это нужно не для того, чтобы кораблики из бумаги вертеть.

– Вот, – протянула ей Гутя гладкие листы. – Там работы было на пять минут. Попросила, и мне Аня тут же через компьютер распечатала.

– Да что ты говоришь, – Аллочка рассеянно повертела в руках листы. – Придется нам купить компьютер, какая изумительная вещь! Там еще, я слышала, какие-то игры есть, да?

Гутя дернула плечом:

– У Варьки с Фомой стоит компьютер, зачем нам еще один, кто на нем работать будет?

– Так – я! Я и буду. Вот случилось расследование, а мне и написать не на чем. Пойди-ка, допросись у твоей дочери, а так у меня будет свой.

– Я не против, – равнодушно пожала плечами Гутя. – Зарабатывай и покупай, что хочешь.

– Уй-й-й, – поморщилась Аллочка, как от зубной боли. – Вот умеешь ты, сестренка, настроение поднять. А я... я у Максима попрошу. Точно!

– Вот-вот, – фыркнула Гутя. – Попроси. А заодно и квартирку пусть тебе подарит, куртку новую на осень. А лучше всего, если мы ему подарим твои руку и сердце.

– Ты бы лучше своими органами так разбрасывалась, а не моими, – пробурчала Аллочка и полезла в холодильник.

В животе урчало все громче, а Гутя отчего-то не слишком спешила приглашать сестрицу к столу.

Глава 3

Как украшает щедрость кавалера!

Ближе к вечеру Аллочка стала готовиться к свиданию. Сегодня она уже не с таким безоблачным настроением наряжалась в костюм, не так легкомысленно малевала щеки и даже осторожнее накрашила глаза – кто его знает, а вдруг у Максима Михайловича... у Максима опять что-то не срастется?

Однако он позвонил. Робко поздоровался и попросил к телефону Аллу.

– М-да, это я, – Аллочка постаралась ответить с полным равнодушием, хотя от напряжения ее левая нога выбивала тапком «Танец с саблями».

Максим Михайлович, вероятно, тоже ощущал некоторое волнение, потому что голос его был негромок и даже чуть дрожал:

– Аллочка, я могу сегодня с вами увидеться?

– Это вы меня спрашиваете? – искренне удивилась Аллочка. – Откуда я знаю? Я-то всегда готова, в том смысле, что я никогда не меняю своих решений, а вот вы!..

– Я тоже не меняю, их меняют обстоятельства. Если вы свободны, тогда я заеду к вам через часок. Вы успеете собраться?

– Заедете? М-м-м, я даже не знаю, – пила кровь за вчерашнее коварная дама. – Пожалуй, смогу... или нет.

– Но как же? – растерялся кавалер. – Вы же только что сказали, что не меняете своих решений? И я уже решил, как вас побаловать.

– Ну так что же вы? Приезжайте! Когда, вы сказали, через десять минут? Так я выхожу.

Максим отключился, а Аллочка, уже целый час сидевшая в полной боевой готовности, бешено заметалась по комнатам.

– Гутя! Гутя же! Где у Варьки духи?

– На ее столике, – вышла из своей комнаты сестра.

– Да нету их тут! У нее тут не те какие-то! Мне нужны французские, которые ей Фомка подарил, помнишь? Такие пузатенькие! Ну куда она их сунула-то?

– Ах, эти... с собой взяла, она их всегда в сумочке носит. А тебе зачем?

– Как это мне зачем? – взвилась Аллочка. – Как это мне зачем, если я сей момент ухожу на свидание? В кои-то веки мужик порядочный, а мне... Слушай, а может, мне Фомкиным одеколоном, а? Он ведь у него тоже из Франции.

– Можешь и Фомкиным, но если тебе все равно, брызнь освежителем воздуха, тоже приятный.

– Ну, знаешь! Твои шуточки!

Пришлось выйти без всякого парфюма, надеясь только на свой природный аромат. Но Аллочка уже твердо решила: первую же получку Максима они потратят на ее духи!

Максим ждал ее возле подъезда, а возле него стояла... нет, это была не машина, это была мечта! Алла Власовна никогда не разбиралась в автомобильных марках, но здесь и не нужно было что-то соображать: все соседи высунулись из окон, чтобы посмотреть – к кому приехали на эдакой красоте? Неужели опять к Дашке с третьего этажа?

Аллочка выгнула спину, оттопырила ручки и засеменила к Максиму Михайловичу, робко опустив глазки – ни дать ни взять Аленушка на выданье.

– Аллочка! А я уж испугался, что вы не выйдете, – негромко проговорил Максим, и Алла Власовна искренне пожалела – отчего мужику бог голоса не дал, все соседи услышали бы, как он трепетно к ней относится!

– Ну отчего же, – нежно качнула головой прелестница, изо всех сил изображая тургеневскую Асю. – Мне сюда?

– Нет-нет, – засуетился Максим, и у Аллочки ухнуло сердце – как пить дать, за этим красавцем прячется какой-нибудь «Запорожец»! – Не сюда, на переднее сиденье, пожалуйста! Уф-ф! Сказка продолжалась.

Он уселся за руль, нажал на газ, машина плавно тронулась и стала набирать обороты. А Максим уже крутил ручку магнитолы, и ему даже удалось в считанные секунды поймать какую-то славную мелодию. А вот Фомка бы крутил до позеленения, и все равно бы ничего не нашел. Аллочка благодарно улыбнулась, повернулась к водителю и поняла, что пропала. Влюбилась! Втрескалась. Без памяти. И, наверное, в первый раз за долгие-долгие два месяца. Да и как можно было не влюбиться – Максим за рулем этой громадины смотрелся просто... да! Он был похож на гангстера. Но только на настоящего – чернобрового, с черными усиками, с горящими глазами, и обязательно в шляпе. Хотя, с этой стороны у Максима имелась явная недоработка – шляпы не было.

– А почему вы не носите шляпу? – спросила дама.

– Шля... пу? – растерянно повернулся к ней Максим. – А зачем?

– Это просто необходимо, неужели вы на себя в зеркало не смотрите? Надо шляпу. Все хорошо, но вот без нее...

Максим отчего-то резко повернул машину в сторону и остановился возле здорovenного магазина. О-о! Аллочка прекрасно знала это место. Она частенько устраивала себе экскурсии по богатым бутикам и салонам, но сюда она просто не отваживалась заходить. Да что там – ее туда попросту не пускали, потому что там требовались специальные карты, о коих Аллочка и знать не знала.

Но Максима не пугали никакие карты, он уверенно вошел в стеклянные двери, что-то сунул красавцу, парнишке на входе, и взял Аллочку под локоток.

– Тебе нужно купить новое пальто, – шепнул он ей в самое ухо и тут же спохватился: – Это ничего? Что я осмелился перейти на «ты»?

– Ничего-ничего, – быстро проговорила Аллочка, задыхаясь от приятного предчувствия. – Мне даже нравится, а что ты про пальто говорил? Купить нужно? Ты знаешь, я согласна полностью! Полностью согласна. Я вообще очень покладистая. А еще мне нужны сапоги. Ну, чтобы пальто не портить.

– Ботильоны, – кивнул Максим Михайлович, куда-то увлекая свою даму.

– А что это – ботильоны? Боты, что ли? – скривилась она. – Ну, если хочешь, можно и их, но и сапоги тоже.

Не обращая внимания на возрастающие потребности своей спутницы, кавалер подвел Аллочку к приятной молодой женщине.

– Верочка, помоги девушке одеться. Нам нужна верхняя одежда.

И тут Аллочка смогла почувствовать, как это сладко – быть миллионершей! А в том, что Максим – миллионер, она уже ни минуты не сомневалась. И в том, что он через неделю поведет ее под венец – тоже. Максим куда-то удалился, зато вместо одной прекрасной женщины появилось сразу несколько. И все они порхали возле Аллочки, прикладывали к ее тыквенной груди самые лучшие модели, пытались втиснуть ее щедрые тела в дорогие ткани, облагородить ее фигурку тонкими шарфами, шляпами и даже перчатками.

Уже на пятнадцатой минуте Аллочка так прониклась этим щебетанием вокруг своей особы, что даже позволила себе скривить губы:

– Нет, это совсем не мой цвет! Неужели не видно, что он меня старит? А это... уберите немедленно этот фасон. Я в нем похожа на паучиху. А давайте вон то пальтишко примерим. Нет, я влезу! Я лучше знаю свои размеры.

К тому времени, когда в примерочной появился Максим, на его суд было выбрано четыре пальто разных цветов и моделей. Максим Михайлович не одобрил ни одно из них, а очень быстро выдернул вешалку с длинным пальто бархатного черного цвета, изумительного классического фасона, длиной до пят и ценою в несколько нулей.

– Примерь.

Аллочка даже боялась посмотреть на такую красоту. Стоит ли говорить, что вещь сидела на ней, как влитая, а объемные формы куда-то подевались, оставляя взору только подтянутую, строгую фигуру.

– Нравится? – спросил он.

Она только лихорадочно закивала головой.

– Берем.

Потом они взяли маленькие аккуратненькие полусапожки, которые Максим упрямо называл ботильонами. А еще были куплены перчатки и широкополая шляпа. Вот шляпу можно было и не брать. Стоила она, как две Фомкины зарплаты, а носить ее было ужасно неудобно, того и гляди ветер с головы сдует, и плакали тогда денежки. Да и поля Аллочка все время поднимала, потому что ни фи́га из-под них не было видно. Все лицо закрывала. Максим еще поинтересовался, какое у нее зрение, потому что для полноты образа вознамерился купить и очки, но тут Аллочка проявила стойкость – очки не нужны, иначе придется купить и собаку-поводыря. Она и так уже в этой шляпе ходит на ошупь.

– А теперь подберем платье, – окончательно добил Аллу Власовну потенциальный жених. – В субботу у нас прием, я хочу, чтобы ты была в нем.

Аллочка, забыв о тургеневской скромности, завизжала, как поросенок, и кинулась на шею благодетелю.

– Уй-й-й-й! Точно! Мне нужно платье! И туфли! И духи! Французские, чтобы с запахом!

Максим Михайлович только тихо улыбнулся и попытался высвободиться из ее бурных объятий.

– Ну, Аллочка, тише, к чему столько радости, это так, мелочи, шелуха, фантики!

– Я с тобой опять по-о-олностью согласна! – ошалела от счастья Аллочка. – Но заявляю – с сегодняшнего дня я собираю именно фантики. Это у меня увлечение с самого детства.

Платье Аллочка могла бы выбирать целые сутки, потому что ей приносили все новые и новые модели, и одно было лучше другого. Сразу же захотелось взять, как минимум, штук семь. Но на лице Максима опять не выразилось ничего утешительного, он нырнул в недра красок и фасонов и выудил то, что ему больше всего приглянулось.

Это было строгое платье с длинными рукавами, глубокого черного цвета, без всяких бантов и рюшечек. Единственным его украшением был интересный воротник, который Аллочке подошел безукоризненно. Она даже помолодела лет на... два! На два года помолодела, не меньше.

– Я поняла! Вы – Зайцев! Я по телевизору вас видела, – восторженно выдохнула Аллочка, увидев себя в зеркале. – А я почему-то думала, что черный цвет меня старит и полнит.

– Полнить может любой цвет, если неправильно выбран фасон, – негромко произнес Максим Михайлович и распорядился, чтобы коробки поднесли к их машине.

Аллочка настолько была шокирована покупками, что даже забыла про духи и туфли. Да и у Максима они вылетели из головы, потому что, как выяснилось, думал он вовсе не о тряпках.

– Ну, теперь ты меня за вчерашнее простила? – улыбнулся он, снова ухватив Аллу Власовну под локоть и направляясь к выходу.

– Ой, боже мой! Ну конечно же! – воскликнула счастливая женщина. – И знаешь, Максим, мне так нравятся прогулки с тобой! Давай это станет нашей доброй традицией!

– Непременно, – склонил голову кавалер, и Аллочка улетела на седьмое небо.

Когда нагруженный коробками молодой человек провожал их до машины, Аллочка уже не могла оторваться от локтя своего нового знакомого.

«Нет, какая я молодец, – хвалила она себя. – Это ж надо – урвать себе такого мужчину! Гутя сойдет с ума!»

– Максим, ты не знаешь, где у нас поблизости сумасшедший дом?

Потом они ехали по городу. Опускались сентябрьские сумерки, а в салон патокой лилась медленная, такая сладкая мелодия. У Аллочки от любви защемило сердце. Вот сейчас бы в самый раз познакомиться с его домиком, усесться к камину и попивать грог. Или что там попивают возле камина? Кажется, грог, это уж совсем что-то зимнее, лучше побаловать себя шампанским. И она наденет новое платье, и будет кружиться под музыку по гладкой плитке, а Максим будет смотреть на нее и любоваться, и влюбляться в нее еще больше. Это уж обязательно, потому что попробуй-ка не влюбись в даму, когда на ней такое платье!

Уй! А пальто какое! Надо Гуте сказать, чтобы она организовала у себя в клубе какой-нибудь вечер. Ну просто не терпится показать обновки девицам. Господи, как же она любит этого Максима!

– А мы куда едем? – играла она глазками, вглядываясь в знакомые городские пейзажи.

– Хочу тебе показать мои любимые места, – с долей грусти в голосе проговорил Максим.

– А-а, я тоже места люблю... в городе. А то знаешь, раньше, когда я в деревне жила, там и мест-то никаких не было! Даже выйти было невозможно осенью. Так и ходишь только за трактором, потому что иначе через грязь не пролезешь. А здесь хорошо. Льет ли, нет ли – топай хоть в носках по асфальту.

– Да нет, в деревне тоже есть места красивые, нетронутые прогрессом.

– Вот-вот, я тебе как раз о такой красоте и рассказываю. Нетронутые. А уже давно надо бы хоть как-то их тронуть, хоть чем-то! Конечно, кому-то, может, и красиво, а вот когда там живешь, так...

Но Аллочке не хватило времени, чтобы высказать все наболевшие вопросы современного крестьянства – машина остановилась, и Максим открыл дверцу.

Это был старый парк. Только не центральный, где днем визжат дети, а ночью молодежь забывается под хрипы модных групп, нет. Это был неухоженный, даже заброшенный кусок земли, где деревья росли, как хотели, не ведая ножниц садовника, кусты сплели мощную изгородь из ветвей, а под ноги улегся толстый ковер из разноцветных листьев. И никого не было слышно, даже шум машин не доносился с ближайшей дороги.

– Ты куда меня привез? – насторожилась Аллочка, испуганно озираясь по сторонам. – Какие-то у тебя любимые места подозрительные...

И она вдруг стала мыслить критически. А с чего это ее ухажер так необдуманно расщедрился? Так ли уж хороша собой Аллочка, что ради нее можно уже на втором свидании выкинуть целую прорву денег? А если все это неспроста?

– Ты, наверное, маньяк, да? – откровенно спросила она. – Хочешь меня здесь зарезать?

– Почему? – испуганно вытаращился Максим. – Зачем мне тебя резать? Я просто хочу тебе показать... понимаешь, ведь любимые места... я просто хотел, чтобы ты лучше поняла мое настроение, что ли, что у меня сейчас на душе.

– А с чего у тебя на душе такой мрак? У меня, например, праздник! – недоуменно пожалала плечиком Аллочка. Вообще, ей стало даже чуточку обидно – у них, можно сказать, свидание, жених должен прыгать от счастья, а тут – коряги, вывороченные корни и сухие листья. Ну и настроение у него.

– Это старый пансионат для детей с заторможенным умственным развитием, – пояснил Максим Михайлович. – Раньше был. А потом его кто-то купил, детей переселили, а хозяин... черт знает, что с ним стало, обанкротился, наверное. Место красивое, скоро его купят, а пока...

– А ты тоже в том пансионате был, да? – сочувственно приникла к его плечу Аллочка. – И теперь тебя мучает ностальгия, правда?

– Почему это? – даже отодвинулся Максим. – У меня было нормальное развитие!

– Ой, ну что ты сразу обижаешься? Я же с тобой совсем недавно познакомилась. Откуда мне знать, как ты развивался? Поедем лучше куда-нибудь к фонарям поближе.

И они отправились смотреть городские фонтаны. А потом завернули в часовню, проехали по старому мосту, и только Аллочка стала забывать скрюченные деревья пансионата, как Максим вторично едва не довел ее до истерики.

Он остановился возле старого городского кладбища, находившегося чуть ли не в самом центре. Страх здесь почти не ощущалось, в любом уголке слышались звуки города, но и удовольствие было сомнительным.

– Нет, я не могу! – чуть не разревелась Аллочка. – Ты что, специально со мной познакомился, чтобы меня только по кладбищам таскать и по пансионатам для недоразвитых? Я думала, мы накупили всяких вещей, поедем к тебе домой... Стану я их примерять, хоть рассмотрим все как следует. Винца выпьем, спляшем танго, а ты...

– К себе я тебя уже пригласил. В субботу. А здесь... Алла! Ну как же ты не понимаешь? Здесь, именно здесь так ощущается связь с прошлым, – попытался объяснить ей Максим Михайлович. – Вот посмотри, – он быстро подошел к чьей-то заброшенной могиле и провел рукой по памятнику. – Смотри, время захоронения – восьмисотый год. Это же история! А я этой истории касаюсь. Неужели тебе не интересно? Здесь же таинство времен! Мост между прошлым и настоящим. Магия. Мистика, если угодно. Ну попробуй, прикоснись!

– Ну его, – испуганно отдернула руку Аллочка. – Я, если захочу, легко могу к любому зданию в центре города подойти и пощупать эту связь времен. Гутя говорила, что некоторым домам лет по двести, а то и больше. Да я в нашей квартире каждый день с этой магией встречаюсь. Тоже, знаешь, какое старье.

Максим уныло вздохнул и побрел по едва видимой тропинке куда-то в глубь кладбища.

Аллочка минут пять его подождала, но, поскольку одной среди могил оставаться было очень уж жутко, кинулась догонять.

– Ничего, – уцепилась она за его локоть. – Это потому, что ты один все время был, вот тебя и тянет на кладбище, а когда я буду рядом с тобой, ты сюда и дорожку забудешь.

– Смотри, – прервал ее Максим. – Дворянин похоронен. А буквы-то как вынаписаны! А вон там – там женщина, как давно ее похоронили, и прожила так мало. Знаешь, Алла, я тоже хочу, чтобы меня здесь похоронили. Вот именно здесь.

– Даже не надейся, здесь уже не хоронят лет пятьдесят, или сто, – поежилась Аллочка. – И вообще, пойдем туда, там машина, люди, а здесь... Слушай! Я слышала, здесь какие-то группировки кучкуются, сейчас как набегут – и сбудется твоя светлая мечта. Пойдем отсюда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.